

Комс. правда, - 1999 - 3 июня, - с. 13.

Море Виктора Конецкого, ПОХОЖЕЕ НА НАС

6 июня замечательному писателю исполняется 70 лет

У человека погибла собака. Друг. Два дня человек пил. Потом был понедельник, и человек поехал на работу. А когда вернулся и подошел к дому, затосковал совсем уж отчаянно. Человек понял, что за дверью никто не ткнется ему в ладонь мокрым носом. Не проводит из прихожей в комнату неслышно. Не ляжет тихонько у кресла, осторожно касаясь животом хозяйского тапка.

Человек зашел в дом, в котором поскуливала тишина. Он не хотел пить и не знал, чем заглушить боль. Человек взял с полки книгу и до утра ее читал. На завтра он открыл другую, потому что, кажется, понял, что ему нужно. У него была целая полка книг этого автора. И он читал их всю неделю, пока не стало легче.

Писателя, который вытащил меня из безнадеги, зовут Виктор Конецкий.

Страшно было садиться за эту заметку. Редакционная гонка отучает шлифовать слова, и газетный бес норовит подбросить обкатанные другими камешки-голыши. «Прозаик-маринист», «бытописатель нелегкого, но полного романтики морского труда...»

Упаси Бог сфальшивить - юбиляр позвонит и выматерит.

Юбиляр болезненно скромен: думаю, он и родиться подгадал день в день с Пушкиным, чтобы не привлекать к себе внимание общественности. Юбиляр - с юности на короткой ноге с лейтенантами, которые стали сегодня главнокомандующими, адмиралами и разными свадебными генералами; однажды при мне он кричал в трубку тогдашнему министру культуры Сидорову: «Женька, столичная штучка, кой черт я по тебе соскучился?!» Но Конецкий никогда, хоть стреляй, не обмолвится свадебным генералом о нищенской своей пенсии, больных ногах и неработающем лифте.

Хотя свадебные, выросшие на его книгах, сочили бы за честь помочь.

Так вот о книгах... Во Владивостоке, где каждый второй или моряк, или родственник моряка, томики Конецкого стоят в каждом доме. Что естественно, если вспомнить священную заповедь социалистического реализма: успех приходит к писателю, который досконально изучил труд и быт персонажей; а кто про персонажей знает лучше капитана дальнего плавания Конецкого, потерявшего все зубы в Арктике? Но в элитной московской квартире на Тверской (хозяин - известный тенор, а его

жена - еще более известный искусствовед) я случайно упомянул о знакомстве с Виктором Викторовичем - и потом битый час отбивался от расспросов сухопутных деятелей бомонда. А самый, возможно, совестливый журналист «Комсомолки» Валя Каркавцев, не написавший за свою короткую жизнь ни строчки о морях, однажды мне признался, что все лучшее в нем - от повестей и рассказов Конецкого. Валя мечтал взять у него интервью, но писатель болел, а потом Валя трагически погиб...

И дело, выходит, не в том, что Конецкий маринист.

А то, что пишет «про море»...

«Оно называлось Лигурийское. Оно было как добрый знакомый, встреченный в сложном чужом мире.

- Здравствуй, дорогое, - сказал я, присев на корточки в полумраке.

Свет фонарей с набережной не достигал сюда. Тишаю шуршала галька, когда мелкая волна воронила ее. И я тянул к мягкой волне руку, но все не мог коснуться ее, потому что боялся замочить ботинки, и волна исчезала в полумраке. Но мне хотелось поздороваться с Лигурийским морем за руку.

Оно же обязательно хотело, чтобы я намочил ботинки.

- Если ты этого хочешь - на, пожалуйста, - и я подвинулся ближе к волне по сыпучей гальке, и пальцы коснулись холодной пены.

Я лизнул пальцы, чтобы узнать соленость Лигурийского моря, поднялся и пошел берегом на восток, увязая в гальке, продолжая говорить морю нежные слова.

- Ну, что шебуришь, дорогое? - говорил я. - Ну здравствуй, здравствуй.

Если бы море могло сидеть в кресле, поставив ноги на паровую батарею, и читать книгу, как могут это иногда женщины, которых мы любим, то я бы наклонился и поцеловал его ниже волос на затылке, в теплую шею и сказал: «Читай, читай... Это я просто так... Сиди...»

Но разве это про море?

Его лучший друг, гениальный прозаик Юрий Казаков очень любил рассказ Конецкого «Наш кок Вася» - о неприкаянном парнишке, вчерашнем зеке, подделавшем диплом повара, чтобы стать моряком. Вася готовит чудовищный хлеб, смешанный с огнеупорной глиной, Васю поедает поездом зверь-механик, Васю в конце концов разоблачают и с треском списывают на Диксона - уморительные детали, потрясающе смешные диалоги. И вдруг концовка, как заноза. Которую вытащишь, а она продолжает ныть...

«Вася стоял на краю причала. Плакал. Фанерный чемаданчик

Живет в Санкт-Петербурге.

Виктор Конецкий в своем кабинете.

Фото Анвара ГАЛЕЕВА.

он отнес подальше от воды. Холодный ветер порывами задувал с моря. Чемаданчик под напором ветра покачивался. Вася плакал и локтем закрывал лицо.

Вся моя команда топталась вдоль борта. Механик выглядел из машинного люка, морщился.

- Отдавайте скорее швартовы, старпом! - приказал я. - Отдавайте их скорее, черт вас всех подери!»

На юмор у него абсолютный слух. Но всякий раз, когда ты начинаешь помирять со смеху, случается грустное чудо: мина замедленного действия взрывает

**В день смерти актера
Евгения Леонова
Виктор Викторович
позвонил в одну
из питерских газет:
«Я хочу о нем
написать». «У нас
некрологи печатаются
за деньги, - ответили
ему, - вы готовы
оплатить?»**

текст, строчки плывут - и вдруг ловишь себя на том, что у Конецкого смеешься сквозь слезы.

Совсем как у Гоголя.

И Булгакова.

И Петрова с Ильфом, поднявших «великого комбинатора» до фигуры трагической.

А все потому, наверное, что он не «про море» пишет - про людей, похожих на море. А оно всегда разное - тихое, гневное, веселое, убитое горем, расхристанное, яростное, ласковое, гибельное, суровое, смешное, солнечное, хмурое, обнаженное, застегнутое на все пуговицы, вкрадчивое, чистое, мутное, мелкое, сонное, буйное, соленое, глубокое - как герои Конецкого. Он «морской» писатель настолько же, насколько автор «Мертвых душ» - «деревенщик», а «Собачье сердце» - «нейрохирург».

Литературные критики могли бы что-нибудь объяснить про

этот творческий метод. Но лучше читать Конецкого, который про себя сам все объяснил. «В блокадном бомбоубежище, в замкнутых стенах я читал журналы с красными обложками «Мир приключений». И рассказы из этих журналов я помню лучше, чем блокаду. Быть может, потому, что ее я вспомнить не люблю...»

Но про блокаду - один из лучших его рассказов «Дверь».

Он заставляет себя писать про то, что болит.

14-летний доходяга-блокадник Витька Конецкий, видя несправедливость, ввязывался в безнадежные уличные драки. Повзрослев, в 67-м отправил съезду советских писателей резкое письмо в поддержку опального Солженицына, рискуя самым дорогим для моряка - визой заграничания. В 91-м выступил с трибуны на Дворцовой площади в первый день, очень смутный и далеко не переломный, августовского путча...

У него колющий характер, как у любого долго оторванного от земли моряка. Капитанская заряженность на поступок и житейская неприспособленность, блестящее знание истории, фирменная питерская эрудиция - и непонимание простейшей логики примитивных интриг...

- Ты только посмотри на это хлебало! А они его слушают! - расстраивается после очередного

го репортажа из Думы автор светлых рассказов. - А этот?! Ну ведь все написано на его хлебальнике!

Он продолжает работать. Только что вышла прекрасная книга, за которую Конецкий получил гонорар стажера районной газеты. А чему удивляться? В день смерти актера Евгения Леонова (они подружились на съемках «Полосатого рейса») Виктор Викторович позвонил в одну из питерских газет: «Я хочу о нем написать». «У нас некрологи печатаются за деньги, - ответили ему, - вы готовы оплатить?»

В его маленьком кабинете соседствуют огромная карта Мирового океана, замечательные акварели хозяина, бивень мамонта, который Виктор Викторович со своим другом Георгием Даниэлем на съемках фильма «Путь к причалу» пилили-пилили в Арктике, да так и не распилили на двоих. И еще - компьютер, трогать который Конецкий остергается, хотя относится к электронному чуду-юду с уважением. Компьютер подарила Виктору Викторовичу «Комсомолка», назвавшая его пару лет назад «Автором года» - за серию публикаций в «КП». И теперь его жена Таня набирает на компьютере тексты, увы, еще только воображаемого полного собрания сочинений, а Конецкий упрямо правит пером...

Мы познакомились после истории с моей собакой. Я написал Конецкому письмо благодарности. Он ответил:

«Дорогой Игорь!

Сегодня такое время, когда писатели редко получают письма от читателей.

Около двух лет тому назад упал с балкона и разбился мой кот Вася. Молодой был и потому глупый.

Почти каждый день мы с женой его вспоминаем.

Так что я Ваше горе понимаю.

<...>

Я скорблю о Вашей собаке, у которой были разные глаза. И вообще, Вам не кажется, что мы, люди, большие дикие животные, нежели они сами? Последнее время эта мысль посещает меня все чаще и чаще.

Еще раз высказываю Вам свою благодарность за то, что мои книги в какой-то момент Вашей жизни помогли. Это и есть высшее лауреатство писателя.

Болею, но изо всех сил жму Вам лапу.

Ваш Виктор Конецкий.
12.07.95. С.-П.

Завтра в Питере я пожду ему лапу.

Игорь КОЦ.

Конечский Виктор

03.06.99